

Кутулуков Ш.П.
**Компоненты конструкта
корейской диаспоры
постсоветского пространства**

Данная статья является попыткой анализа конструкции корейского субэтнуса СНГ корё сарам и его исследования в рамках конструктивистского подхода. Посредством концепции «мест памяти» выявлены основные точки коммеморации корейского этноса. Определены особенности корейской диаспоры и рассмотрены системообразующие компоненты коллективной памяти корё сарам и корейцев полуострова, а также выявлены их основные комплементарные характеристики. Также определена роль корейского языка (корё мар) и письменности в структуре субэтнического конструкта корё сарам.

Ключевые слова: корейская диаспора, корё сарам, коллективная память, политика памяти, конструктивизм.

Kutulukov Sh.P.
**Components of the post-Soviet
space Korean diaspora construct**

This article is an attempt to analyze the CIS subethnic group Korean Koryo Saram and the phenomenon investigation within the constructivist approach. By means of "site of commemoration" concept there have been revealed the main points of Korean ethnic group commemoration. The features of the Korean diaspora have been outlined and framework components of the Koryo Saram and the Korean Peninsula collective memory have been considered along with identification of their main complementary characteristics. Also there have been defined the role of Korean language (Koryo-Mar) and written into the structure of sub-ethnic constructs Koryo Saram.

Key words: Korean diaspora, Koryo Saram, collective memory, politics of memory, constructivism.

Кутулуков Ш.П.
**Кеңестік дәуірден кейінгі
кеңістіктегі корей диаспорасы
құрылымының компоненттері**

Бұл мақала құрылымдық тәсілдеме аясында ТМД-дағы коре сарам этносы мен оның зерттеуіндегі құрылымды талдау талпынысы болып табылады. «Жады кегі» түсінігі арқылы корей этносын сақтап қалудың негізгі тұстары анықталды. Корей диаспорасының ерекшеліктері анықталып, коре сарам және түбектегі корейлердің ұжымдық жады жүйесін құрушы компоненттер қарастырылды, сондай-ақ, олардың негізгі комплементарлы сипаттамалары айқындалды. Сонымен бірге, коре сарам субэтникалық құрылымында корей тілі (коре мар) мен жазбасының рөлі анықталды.

Түйін сөздер: корей диаспорасы, корё сарам, ұжымдық жады, жады саясаты, конструктивизм.

КОМПОНЕНТЫ КОНСТРУКТА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В современную эпоху национальных возрождений, увеличения значимости этнического самосознания и роста количественного и качественного компонента разного рода политического инструментария важную роль обретают такие категории, как этнос и диаспора. Если придерживаться конструктивистского направления изучения этноса, то диаспора выглядит как наиболее удобная категория для исследования. Ниже речь пойдет о компонентном наполнении конструкции диаспоры на примере корейского субэтнуса СНГ и принципиальных различиях от конструктов корейского полуострова.

Важной особенностью корейцев СНГ, в том числе и Центральной Азии является то, что, успешно интегрировавшись в местные общества, они остаются самостоятельным этническим сообществом. Другими словами, корейцы Казахстана и корейцы российского Дальнего Востока относят себя к единому этносу, несмотря на потерю связи не только с исторической родиной, но и достаточно слабыми субэтническими связями в рамках постсоветского пространства, к тому же имеют единый общий этноним – корё сарам. В связи с вышеуказанным географическим разбросом отнести корейцев постсоветского пространства к ирреденте не представляется возможным, разве что корейцев Сахалина (не всегда отождествляющим себя с корё сарам) и с большой долей условностей, связанных с особенностью истории политических процессов в дальневосточном регионе.

По мнению казахстанского корееведа Ким Г.Н.: «При переселении части этноса на новое место не только первое поколение иммигрантов, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, т. е. этнические свойства. Длительное проживание в иной стране трансформирует поколения иммигрантов в субэтнос – диаспору, отколовшуюся от основного этнического ядра, отличающуюся своеобразием культуры, языка и определенным самосознанием. У представителей такого субэтнуса (диаспоры) существует, как правило, двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к диаспоре» [1, с. 19]. Здесь хотелось бы остановиться на понятии двойного этнического самосознания и его конструктах.

Утверждая о едином этническом самосознании корейцев СНГ и представителей исторической родины, особое внимание уделяется исторической родине. Согласно концепции «мест памяти» французского историка П.Нора, историческая родина как раз оказывается той самой точкой коммеморации всех представителей этнической общности [2]. К тому же понятие «место» в его концепции не всегда подразумевает собой определенную географическую точку или пространство, а зачастую имеет сакральный характер. Этот конструкт обуславливается тем фактом, что до трагических для корейского народа событий 1937 года Корея, даже находясь в колониальной зависимости от Японии, де-факто являлась единым государством. То есть изначально иммигрировавшие в царскую Россию, а затем и в СССР корейцы ассоциировали себя с единым корейским этносом в рамках единого корейского государства и нет никакого основания считать нынешних корейцев СНГ северокорейскими, а называть их южнокорейцами вообще логически не может быть обосновано. Само осознание и отождествление себя с определенным «местом» является той самой точкой, где «память кристаллизуется и находит свое убежище... Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти» [2, 19]. Все же стоит остановиться на содержательном компоненте национального самосознания корейцев «наших» и граждан полуострова. Современный корейский национализм (следовательно, национальная идентичность) на полуострове имеет достаточно широкий спектр факторов его появления и перманентного поддержания, вплоть до отдельных этнонимов для граждан Севера и Юга. Несмотря на политическое содержание этнонимов хангук сарам и чосон сарам, у жителей обеих частей полуострова так же есть экзоэтнонимы друг для друга и каждый из них исходит из представления, что сосед является раскольническим государством, отколовшимся от первого, это подтверждается и конституциями корейских государств, где «Корейская Народно-Демократическая Республика есть суверенное социалистическое государство, представляющее интересы всего корейского народа» соответственно первой статье Конституции КНДР [3]. А статья 3 Конституции РК гласит: «Территория Республики

Корея включает в себя Корейский полуостров и соседние с ним острова» [4]. Официальная историография обоих государств так же полна подобных «войн памяти», однако, тут стоит отметить, что если северокорейский национализм является продуктом, сформированным исключительно идеологической машиной, то его южнокорейский «соплеменник» имеет более сложную конструкцию, как рожденный в условиях политического околонаучного и научного плюрализма.

Является интересным и выбор внешне-го врага для обоих конструктов национальной памяти, где главным злодеем в националистическом нарративе является Япония, а для левых сил – и США. Наличие внешнего врага является очень важной составной частью коллективной памяти группы (этнической, национальной, религиозной и т.д.). Виктимизация прошлого в национальной истории есть обязательный элемент любого современного националистического «романа», будь то демонизация коммунистического режима на постсоветском пространстве, либо страдания корейского народа во время японского колониализма. Очень важным аспектом тут выступает определенный социальный опыт, обретенный группой в прошлом, история, передающаяся от одного поколения к другому и сохраненная в коллективной памяти данной группы, следовательно, общее отношение южнокорейцев к японцам и сегодня остаётся в целом негативным: по данным опроса, проведенным газетой Korea Times, «79% корейцев считают, что японское правление было несправедливым» [5]. Следует заметить, что и данные подобных опросов, размещенные в публицистике, несут в себе определенный компонент конструкта коллективной памяти и посыл следующим поколениям.

Роль Японии как узловой точки (либо точки коммеморации) в коллективной памяти корейцев СНГ сконструирована на несколько иных принципах. Говоря о более чем вековой истории диаспоры, следует отметить, что основная часть корейцев переселилась на российском Дальнем Востоке с 1860-х до 1930-х годов. Следовательно, часть корейцев попросту не застало японской оккупации в Корее и не имеет подобного социального опыта. Однако, даже не имея таких личных воспоминаний, представитель диаспоры вполне может разделять негативное отношение к «старым японским обидчикам». Этот эффект безличных воспоминаний французский исследователь памяти М. Хальбвак объясняет следующим образом: «С одной стороны, вос-

помятия вписываются в рамки его личности или его личной жизни... С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу. Эти две памяти проникают друг друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную...» [6].

Продолжая идею М. Хальбвакса, так или иначе, индивид на протяжении своей жизни является членом различных групп (коллективов): малых и больших (семья, политическая партия, нация). Членство в определенной группе предполагает соответствующие коммуникации и разделение интересов и ценностей той группы (также овладение всеми событиями), которая ее непосредственно касается. Для приобретения этих знаний и воспоминаний необходима опора на память других. В качестве подобных опор также могут восприниматься понятия, тексты, символы, ритуалы и другое, что помогает воссоздать полную картину, о которой индивид не может помнить [6].

Однако, как и любая другая коллективная память, память корейской диаспоры не лишена «прошлых страданий и несправедливостей». Затрагивая этот вопрос, российский историк Копосов Н.Е. отмечает: «Виктимизация истории была подготовлена «демократическим поворотом» в историографии 1950-1970-х годов, связанным с торжеством социальной истории. Это была «история снизу», увиденная с точки зрения народа. Традиционная история, описывавшая деяния королей и полководцев, история государства и национального величия, привилегированное орудие патриотического воспитания, в этот период уступает место истории тех, по ком тяжкой поступью «прошла» история политическая. Тех, кто своим трудом и страданиями оплатил ее «триумфы и трагедии». Эта гуманистическая установка не только создавала «парадигму сострадания» в восприятии истории, но и стимулировала интерес исследователей к народной культуре со свойственными ей механизмами передачи «контрпамяти».

Подъем исторической памяти, криминализация и виктимизация прошлого повсеместно способствовали превращению «национального романа» в криминальную хронику» [7, с. 53].

Анализируя историографию субэтнуса корё сарам, можно обнаружить, что, помимо общего тренда удреждения истории собственно Кореи и корейского этноса, наиболее часто «узлами

памяти» выступают такие значимые события, как переселение корейцев в Российскую Империю, депортация в Среднюю Азию и Казахстан (к слову термин депортация тоже не вполне правомерен, но придает переселению вполне негативный характер) и дискриминация в годы светской власти. Если последние две проблемы привести к общему знаменателю жертвенного нарратива и декоммунизации постсоветского идеологического пространства, то первый случай можно характеризовать как важнейший позитивистский компонент конструкта корё сарам, лишенный «криминального» содержания. Из позитивистских компонентов конструкта коллективной памяти корё сарам так же следует отметить многочисленные труды, посвященные роли корейской диаспоры в экономическом развитии бывших союзных республик и разного рода знаменательные даты, например, 150-летие корейской диаспоры в России. Отмечая подобные противоречия в оценке истории корейского субэтнуса СНГ, можно сделать вывод что «каркас» коллективной памяти и ее содержание не имеют четкой идеологической линии ввиду неоднородности идеологических контекстов разных государств бывшего Советского Союза. Так, если в Российской Федерации субэтнос встраивается в общий концепт «Россия», а цифра 150 лет служит еще одним из сотен подтверждений преемственности, то в Казахстане наиболее часто апеллируют к 1937 году в контексте политики декоммунизации общества. Статус же корейцев Сахалина более интегрирован в южнокорейские идеологические конструкты.

Одним из наиболее важных компонентов этничности справедливо можно назвать язык этноса. Язык являясь средством коммуникации одновременно выполняет и роль консолидирующего этнофактора. Поверхностно обратившись к истории корейского языка в контексте конструктивистской концепции, следует отметить неочевидную роль короля Седжона Великого и особенности генезиса корейской письменности от теории печатного капитализма Б. Андерсона [8]. В отличие от европейских конструктов, где спрос на литературу на понятном языке породил множество национальных литературных языков, письменность корейского языка была предложена «сверху» и, хотя в первые десятилетия и имела статус письменности «бедноты и домохозяек», в дальнейшем же сыграла роль важнейшего фактора комплементарности корейского и китайского этносов.

Говоря о корейском языке в контексте факта отсутствия в лингвистике единого понима-

ния и разграничения языка и диалекта, выявляется огромное поле для научных изысканий. Стоит отметить, что сегодня корейский язык признается единым языком всех корейцев, однако не опровергается и наличие официальных языков Южной и Северной Кореи (пхеньянский и сеульский диалекты). Исходя из этих тезисов, можно предположить, что диалект корейцев СНГ – корё мар, так же являясь полноценной языковой системой, имеет право на статус официального.

Говоря о положении корё мар среди корейцев Казахстана, доктор филологических наук Пак Н.С. резюмирует: «Он функционирует в настоящее время в основном в устной форме и имеет ряд особенностей, обусловленных социальными причинами. В частности, в нем наряду с архаизмами наблюдаются инновации, отражающие изменения образа жизни корейцев в новых геополитических и социальных условиях, хотя и генетически, и функционально их объединяет общенародная корейская основа, т.е. корё мар при всех имеющихся различиях базируется фактически на той же основе, что и пхеньянский и сеульский стандарты. Более того, в нем сохранился вследствие длительной изоляции значительный слой исконно корейской лексики, утраченной на полуострове» [9, с. 247].

По мнению доктора исторических наук Ким Г.Н., изоляция от других стандартов корейского языка, впитывание компонентов языка южных диалектов, консервация и влияние русского языка способствовали образованию лингвистического феномена корё мар [10].

Исходя из вышеизложенных суждений, можно сделать вывод о языке корейцев СНГ как о феномене, сложившемся ввиду определенных политических и социальных обстоятельств.

Даже ввиду функционального сходства корё мар с иными стандартами корейского языка, он развивался по принципам островных диалектов, в иных культурных пространствах и характерен лишь для одной субэтнической общности. Из этого следует, что корё мар является одним из важных компонентов, характерных лишь для одного сообщества людей, что делает его политическим инструментом в формировании иных уровней идентичности.

Подводя итоги, следует обозначить:

Этническая конструкция современных корейцев, а именно коллективная память этноса, имеет неоднородный характер. Некоторые компоненты коллективной памяти двух идентичностей могут перекликаться друг с другом, но не соответствовать памяти третьей, как в случае с антияпонскими настроениями в государствах корейского полуострова, но отсутствием таковых у корейцев СНГ.

Современная историография корё сарам соответствует нынешнему декоммунистическому нарративу стран СНГ и возрождению национального самосознания. Характерным является и интегрированность в общий исторический концепт постсоветских государств, где историческая память корё сарам не вступает в противоречия с местными идеологическими линиями и государственной политикой памяти, однако не имеет собственной идеологической составляющей и развивается в условиях научно-го плюрализма.

В языковом вопросе, несмотря на сокращение использования корё мар среди молодежи, данный языковой феномен остается актуальным в рамках лингвистических исследований, как островной диалект корейского языка, либо как полноценная языковая система.

Литература

- 1 Ким Г. Этничность, самосознание и отношение к религиям студентов корейцев постсоветской Центральной Азии. – Известия корееведения в ЦА. – Алматы, 2009, No. 8(16) Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 328 с.
- 2 Конституция Корейской Народно-Демократической Республики.
- 3 Конституция Республики Корея.
- 4 McCurry J. Japan colonial presence felt 100 years on. GlobalPost (August 30, 2010). Проверено 1 февраля 2016 г.
- 5 Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
- 6 Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
- 7 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.
- 8 Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. – Алматы 2005. – 304 с.
- 9 Ким Г.Н. Родной язык и социолингвистические вопросы корейцев Казахстана // Избранные труды по корееведению. – Алматы: Издательство КазНУ, 2013. – 776 с.

References

- 1 Kim G. Jetnichnost', samosoznanie i otnoshenie k religijam studentov korejcev postsovetskoj Central'noj Azii. – Izvestija koreevedenija v CA. – Almaty, 2009, No. 8(16).
- 2 Nora P., Ozuf M., de Pjuimezh Zh., Vinok M.. Francija-pamjat' – SPb.: Izd-vo S. – Peterb. un-ta, 1999. – 328 c.
- 3 Konstitucija Korejskoj Narodno-Demokraticeskoi Respubliki
- 4 Konstitucija Respubliki Koreja
- 5 McCurry J. Japan colonial presence felt 100 years on. GlobalPost (August 30, 2010). Provereno 1 fevralja 2016 g.
- 6 Hal'bvaks Moris. Social'nye ramki pamjati. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. – 348 s.
- 7 Kopusov N. Pamjat' strogogo rezhima: Istorija i politika v Rossii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. – 320 s.
- 8 B. Anderson. Voobrazhaemye soobshhestva. – M.: Kanon-Press-C, 2001. – 288 s.
- 9 Pak N.S. Korejskij jazyk v Kazahstane: problemy i perspektivy. Almaty 2005. – 304 s.
- 10 Kim G.N. Rodnoj jazyk i sociolingvističeskie voprosy korejcev Kazahstana // Izbrannye trudy po koreevedeniju. – Almaty.: Izdatel'stvo KazNU, 2013. – 776 s.